

Золотистые колосья риса поникли под собственной тяжестью — полные, налитые зерна клонили стебли к самой земле.

Пришла пора созревания позднего риса. На заливных полях то и дело виднелись согнутые спины крестьян, споро орудующих серпами.

У семьи Пэй имелось пять му заливных пашен. Как и в случае с суходольными угодьями, лишь два му относились к плодородным землям высшего качества, а остальные три му были средними; земель низшего сорта у них, к счастью, не водилось.

Часть этих наделов перешла к ним в наследство от предков, а часть Пэй Юва выкупил на заработанные в молодости деньги, когда занимался торговлей — в те времена торговое дело приносило неплохой доход. К тому же Пэй Цзаоань и Доу Цзиньхуа сил не жалели, трудились не покладая рук и экономили на всем, на чем только можно. Позже в доме появился Чэнь Чжи, и рабочих рук стало еще больше.

Для деревенских жителей покупка земли всегда оставалась первейшим делом при появлении лишних денег. Только имея свой кусок земли, можно было жить сытно и обеспечить безбедное будущее детям и внукам.

Главной тягловой силой на жатве по-прежнему оставались Пэй Юва и Пэй Яо.

Погода стояла солнечная, рис сох быстро. Если бы колосья пересохли на корню, зерно при срезке начало бы осыпаться прямо в грязь, и собрать его потом было бы делом пустым и неблагодарным. Поэтому вся семья из шести человек первым делом дружно взялась за уборку двух му первосортного риса.

В отличие от летней жатвы пшеницы, ранним утром в эту пору еще не было удушливой жары, так что Доу Цзиньхуа тоже взяла серп и вышла в поле вместе со всеми.

К краю поля подогнали и запряженную осликом телегу — она ждала своей очереди.

При срезке риса крестьяне ловким, привычным с малых лет движением сразу связывали охапки стеблей в плотные снопы — руки у всех работали споро и слаженно.

По мере того как жнецы продвигались вперед, позади них один за другим оставались ровные ряды тугих снопов.

Шестерым работникам убрать два му земли было делом пустяковым. Они не просто управились за одно утро, но и успели перевезти весь урожай к дому, рассыпав его для просушки на просторном дворе.

Срезка, обмолот, затем долгая сушка под солнцем. К тому времени как свежий рис был засыпан в огромные глиняные чаны, а их горловины надежно запечатаны на хранение, незаметно пролетело больше полумесяца.

Когда пора обильного осеннего сбора подошла к концу, и на полях, и в горных лесах, куда ни кинь взор, природа начала медленно увядать.

С наступлением глубокой осени погода заметно посвежела, и людям пришлось сменить одежду на более плотную.

Позади остались самые тяжелые и изнурительные недели, когда нужно было одновременно

сеять озимую пшеницу и убирать поздний рис. Теперь даже самым работающим крестьянам хотелось немного перевести дух.

Чэнь Чжи купил на рынке добрую связку отличной свиной грудинки с ровными прослойками сала и мяса. Он нарезал её тонкими ломтиками, обжарил в котле до золотистой корочки, а затем бросил туда же горсть сычуаньского перца и мелко порубленный красный и зеленый осенний чили.

Никаких овощей добавлять не стал — так и выложил в глубокую чашу гору сочного, сочащегося жиром мяса. Блюдо вышло ароматным, острым и донельзя сытным, так что вся семья наелась от пуза.

На следующий день он не поскупился и купил свиные ребрышки. Нарубив их длинными кусками, он долго томил их в большом котле, пока мясо не стало нежным и не начало само отставать от костей, а густой мясной дух разнесся далеко за пределы дома.

Пэй Яо, отличавшийся самым отменным аппетитом, от мяса никогда не отказывался.

Он знатно потрудился на полях, так что Чэнь Чжи не стал его сдерживать, велел есть досыта, а если парень не наестся, пообещал через пару дней купить еще парочку мясных костей.

Сваренный из нового урожая рис и жидкая рисовая каша вышли на диво ароматными, нежными и клейкими. Чанся этот вкус очень понравился; он тоже с удовольствием обглодал несколько ребрышек, но его аппетит, конечно, не шел ни в какое сравнение с прожорливостью Пэй Яо.

На этом годовые крестьянские заботы можно было считать завершенными, и у всех на душе сделалось легко.

Запасов сухого сена в амбаре хватало с избытком, скотине голодать не пришлось бы. Максимум, что требовалось — это принести пару корзин свежей сочной травы, чтобы побаловать свиней, кур да уток, но для Пэй Яо и Чанся это было делом одной короткой прогулки.

Поэтому Чэнь Чжи велел старикам отдыхать и строго-настрого запретил им в ближайшие дни выходить со двора ради сбора хвороста.

Сейчас вокруг всё окрасилось в унылые жухлые тона, и чтобы найти хоть немного сочной зелени, приходилось довольно долго бродить вдоль речного берега, высматривая пробивающуюся из влажной тины траву.

Чанся и Пэй Яо вышли из ворот, никуда не торопясь. Даже если бы им не удалось набрать свежей зелени, курам и уткам всё равно было чем поживиться дома.

Молодые люди были полны сил: отработав весь день и хорошенько выспавшись ночью, на следующее утро они снова были бодры и полны энергии.

К тому же в деревне уже повсюду пошли слухи о скорой свадьбе Чанся и Пэй Яо. Чэнь Чжи видел, что сын в последнее время ведет себя смирно — та памятная трепка, которую он ему задал, была весьма ощутимой, так что парень явно усвоил урок.

Рассудив, что Пэй Яо теперь знает меру и за пределами дома не посмеет распускать руки, фулан перестал строго за ними присматривать.

Ближе к полудню осеннее солнце поднялось высоко в зенит.

Речушка Цинмэй несла свои воды неторопливо и извилисто, и на ровных участках её гладь то и дело вспыхивала яркими искрами под солнечными лучами.

Набрав едва ли треть корзины травы, Пэй Яо поленился бродить дальше. Благо сегодня он прихватил с собой маленькую лопатку, так что он просто уселся на берегу и принялся выкапывать корни марены.

Что же касается Чанся, то он еще в самом начале пути повстречал у воды Ван Сяочаня. Парни пошли вместе, весело болтая, то и дело останавливаясь и рассматривая траву, так что сейчас они ушли уже довольно далеко.

Щеки Ван Сяочаня слегка порозовели. Несколько раз помявшись, он всё же решился и негромко поведал другу, что семья Пэй Вэньциня на днях подослала к ним в дом сваху, чтобы завести разговор о женитьбе.

На губах Чанся заиграла мягкая улыбка:

— Я знаю.

Ван Сяочань изумленно округлил глаза:

— Знаешь? Его матушка уже говорила с твоим папой?

Заметив его замешательство, Чанся весело прищурился:

— Да нет же. Просто Пэй Яо еще тогда сказал мне, что мой двоюродный брат к тебе равнодушен.

— Пэй Яо? — Ван Сяочань захлопал ресницами, толком ничего не понимая.

Чанся принялся объяснять:

— Помнишь тот раз, когда брат угостил нас дикими плодами? Пэй Яо сразу всё понял. И надо же, действительно заслал к вам сваху.

Ван Сяочань лишь спустя добрую минуту смог выдать из себя:

— И как только он ухитрился это заметить?

Чанся, бывший с ним полностью согласен, кивнул:

— Я и сам удивился. Но после слов Пэй Яо я тоже стал замечать, что стоит двоюродному брату столкнуться с тобой, он всегда задерживает на тебе взгляд.

Ван Сяочань почувствовал, как его щеки обдало жаром.

Оба юноши отличались сдержанным нравом, так что развивать столь щекотливую тему им было неловко.

Заметив под слоем жухлой листвы яркий зеленый стебелек, Чанся присел на корточки, разгреб сухую траву и бережно вытянул сочную зелень. Отряхнув комья земли, он бросил её в свою бамбуковую корзину.

Ван Сяочань пришел сюда ради корней татарника, так что, перекинувшись еще парой незначительных фраз, парни снова углубились в поиски, каждый согнувшись над своим пяточком земли.

Чанся мимоходом глянул в сторону Пэй Яо. Тот уже вовсю бездельничал — усевшись на большом валуне у самой кромки воды, парень увлеченно пускал блинчики по речной глади.

Юноша перевел взгляд обратно на траву и заметил:

— День свадьбы Сяотао уже назначен. Через полтора месяца, как раз когда закончатся все зимние работы и наступит передышка.

Ян Сяотао исполнилось семнадцать, она была на год младше Ван Сяочаня. Её родные с самого начала подошли к делу со всей строгостью и рано начали подыскивать для дочери достойную партию.

Увидев, что Ли Шэн хорош и нравом, и статью, да и достаток в его семье имеется, они рассудили, что этот союз предначертан самой судьбой, и охотно дали свое согласие, закрепив помолвку.

— Мне матушка тоже рассказывала. Говорит, приданое для Сяотао — одеяла да тюфяки — уже полностью готовы, целых несколько штук нашили, — в голосе Ван Сяочаня проскользнула легкая зависть.

Его семья жила беднее, чем семья Ян. Когда придет его черед выходить замуж, если родители смогут собрать в приданое хотя бы одно новое одеяло, это уже будет верхом удачи. На что-то большее у отца с матерью попросту не нашлось бы денег.

Чанся невольно вспомнил о рулонах ткани, что они соткали дома, и о свежем хлопке нынешнего урожая. Этой зимой им тоже предстояло вплотную заняться пошивом постелей.

Ван Сяочань повернулся к нему и с улыбкой подмигнул:

— А уж я-то слышал, что твоя семья тоже вовсю готовится закатить пир для тебя и Пэй Яо.

Чанся держался стойко: в ответ на дружескую шутку он не стал краснеть лицом, лишь кончики его ушей едва заметно порозовели от смущения.

Когда об этом заговаривали домашние, он не чувствовал ничего особенного — в конце концов, он с малых лет знал, что этот день рано или поздно настанет. Но сейчас, видя лукавый взгляд Ван Сяочаня, он всё же немного застеснялся.

Ван Сяочань, не отличавшийся привычкой лезть за словом в карман, со смешком добавил:

— В прошлые недели, когда мы убирали и молотили рис, Пэй Яо работал в поле скинув рубаху. Ох и много же девчат на него тайком заглядывалось!

Глаз у Сяочаня был острый: заметив, что уши Чанся — то ли от жаркого солнца, то ли от стыда — окрасились в отчетливый пунцовый цвет, он расплылся в еще более широкой усмешке и поддразнил:

— Но в отличие от них, когда вы сыграете свадьбу, ты сможешь любоваться им сколько душе угодно, и никакой нужды прятаться по кустам не будет.

— Сяочань! — Чанся наконец не выдержал.

В его голосе смешались крайнее замешательство и удивление: ну как можно городить такие... бесстыдные речи?

Ван Сяочань и сам понял, что сболтнул лишнего. Его лицо на мгновение залил румянец: одно дело — подразнить друга разговорами про мужчин ради шутки, и совсем другое — впасть в раж и наговорить такого непотребства.

— Ну... в общем, ты всё равно будешь в совершенно ином положении, чем они, — пробормотал он, неуклюже пытаясь замять неловкость.

Чанся лишь сокрушенно вздохнул. Видя чужую растерянность, он из врожденной деликатности не стал развивать тему, а просто перевел разговор:

— Мы и так уже долго здесь стоим, давай лучше поскорее за дело приниматься.

— Да-да, конечно, — Ван Сяочань закивал головой.

Пэй Яо тем временем сидел на валуне, слегка ссутулив спину, отчего линии его крепкого, ладного тела прорисовывались особенно четко.

Вид у него был скучающий. Забросив свое занятие с камешками, он то и дело поглядывал в сторону Чанся, который увлеченно копал корни и о чем-то без умолку шептался с Ван Сяочанем — словно у них темы для разговоров никогда не переводились.

Живут в одной деревне, видятся почитай каждый день, ну о чем можно судачить целое утро напролет?

Дождавшись, пока они наконец разделились и разошлись в разные стороны в поисках трав, Пэй Яо решил, что его час настал — теперь-то они точно наговорились. Он подхватил свою бамбуковую корзину и зашагал к названному брату.

В присутствии Ван Сяочаня Пэй Яо вел себя как ни в чем не бывало, да и взгляд его оставался вполне дружелюбным.

— Свежей травы тут днем с огнем не сыщешь, — лениво обронил он. — Я помню, что у большого ясеня корней марены обычно побольше водится. Давай накопаем немного, да и пойдем домой, отчитаемся перед старшими.

Чанся рассудил, что в его словах есть резон. Попрощавшись с Ван Сяочанем, они с Пэй Яо направились дальше вниз по течению.

Помимо них троих у реки крутилось немало деревенских жителей, промышлявших сбором корней и лекарственных кореньев — глубокой осенью в других местах найти хоть какую-то зелень было делом почти невозможным.

Посреди бела дня Ван Сяочаню оставаться одному у воды было ничуть не боязно.

Он и из дома-то выходил в одиночку, рассчитывая накопать немного татарника, и сколько бы ни набрал, собирался уже через полчаса повернуть обратно.

К тому же неподалеку он заметил двух знакомых деревенских девушек. Случись что, достаточно было просто крикнуть, и они тут же прибежали бы на помощь.

Чуть ниже по течению рос огромный ясень, чей ствол был куда толще и кряжистее всех окрестных деревьев. Деревенские так и прозвали это местечко — «У большого ясеня».

Чанся выкопал несколько корней марены и, разогнув спину, мельком взглянул на Пэй Яо. Наконец он не выдержал и негромко произнес:

— Сяочань проговорился, что семья нашего двоюродного брата действительно заслала к ним сваху.

Пэй Яо ничуть не удивился:

— Раз уж приглянулся человек, чего время тянуть? У семейства Ван репутация добрая, дядя и тетя — люди честные и порядочные, так что союз между нашими домами выйдет на редкость удачным.

Чанся согласно кивнул и добавил:

— Если всё сложится, Сяочань останется в деревне, и мы сможем видеться как и прежде.

Он был искренне рад этому; его глаза весело сузились, а на губах заиграла мягкая улыбка.

Ближних друзей у него водилось совсем немного. Сяотао вот-вот уедет в деревню Чжаоли — хоть это и соседнее селение, но в будни туда особо не набегаешься, и уж точно не посидишь за дружеской беседой.

Пэй Яо задорно вскинул бровь:

— Ну еще бы! Раз он не уезжает в чужие края, а мы с тобой скоро сыграем свадьбу, ты навсегда останешься в нашем доме, так что сможете хоть всю жизнь не расставаться.

Услышав это, Чанся улыбнулся еще шире.

Видя его искреннюю радость, Пэй Яо задумчиво потер подбородок. Он прекрасно знал нелюдимый нрав названного брата и то, что друзей у него раз-два и обчелся...

Ну и ладно, в будущем, если Чанся захочется с кем-то поболтать, пусть идет к кому хочет — парень вовсе не собирался запираить его в четырех стенах.

*

Горный лес дышал осенней прохладой и унынием. Землю устилал толстый ковер из опавших листьев, а трава окончательно пожухла.

Крупная ладонь раздвинула сухую листву, выудив из-под неё треснувший плод черного цвета. С виду он чем-то напоминал дикий грецкий орех, но знающий человек с первого взгляда определил бы разницу — это был плод тунгового дерева.

Пэй Яо не проронил ни слова, лишь молча согнулся, высматривая среди жухлой травы и листьев спелые плоды тунга.

Чанся и Чэнь Чжи тоже хранили молчание, сосредоточенно подбирая находки.

Тунговое масло требовалось Пэй Яо для того, чтобы покрывать свои деревянные поделки.

Сфера применения тунгового масла была огромной. При прошлой династии торговля им находилась исключительно в руках казны, и простым людям строжайшим образом запрещалось продавать его частным порядком.

Впрочем, собирать дикие плоды в горах никто не запрещал, но сдавать их полагалось на государственные заготовительные пункты.

Готовое тунговое масло стоило немалых денег, поэтому Пэй Яо еще с прошлого года потихоньку гнал его прямо у себя дома. Нацедив полную крынку для собственных нужд, он неплохо сэкономил семейный бюджет.

Закон позволял простому люду самостоятельно выжимать масло для домашних нужд, но с одним строгим ограничением: на каждый двор полагалось не более двух цзиней в год, а купля-продажа была под строжайшим запретом. Стоило попасться — и нарушителю грозил крупный штраф, а если излишки оказывались слишком большими, можно было и под суд угодить, отведав чиновничьих палок.

Пэй Яо прекрасно знал, что в их деревне далеко не он один втихаря гнал масло сверх положенной меры. Односельчане, даже если и замечали что-то подозрительное, предпочитали прикидываться слепыми.

Если только между семьями не было кровной вражды, никто не стал бы доносить: в крестьянском быту тунговое масло могло понадобиться любому, так к чему вредить соседу без всякой выгоды для себя?

И всё же в таких делах лишние глаза были ни к чему.

В прошлом месяце у него как раз закончились запасы, а новые плоды еще не успели, так что ему пришлось взять пустую крынку, отправиться в город и честно купить один цзинь масла — исключительно ради того, чтобы отвести возможные подозрения.

Его резные деревянные безделушки размером были с ладонь — сущая мелочь по сравнению с серьезными плотницкими изделиями, так что они почти не бросались в глаза.

В деревне он своими поделками никогда не хвастался. Разве что Ян Фэннянь с приятелями, завидев новинку, могли покрутить её в руках ради любопытства.

Да и отправляясь на рынок в город, он всегда укладывал товар в плетеную бамбуковую корзину, а сверху прикрывал плотной холстиной — осторожность лишней не бывает.

Сейчас как раз наступила пора созревания тунга. Все трое работали споро и слаженно: пользуясь тем, что земля была усыпана упавшими плодами, они за короткое время успели набить свои корзины больше чем наполовину.

Немного передохнув, они подхватили ношу и направились в сторону диких орешников. В их планах было набрать сверху побольше грецких орехов, чтобы надежно спрятать под ними лежащие на дне плоды тунга.

В таких делах береженого бог бережет.